

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.1: 008

«СМЕРТЬ СУБЪЕКТА»: ФИЛОСОФСКО–КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

А.А. СЕРБУЛ

*Гродненский государственный университет им. Я.Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Введение. В современном культурном пространстве, характеризующимся крайней микшированностью и эклектичностью, по сей день остается острой философская проблема субъекта, отражённая в постмодернистской философии такими метафорическими терминами, как «смерть субъекта», «смерть автора», «смерть Бога» и раскрывающаяся в ряде конструктов, артикулирующих отдельные аспекты состояния культуры информационного общества, напрямую связанные с практиками конституирования субъективности. «Смерть субъекта» является одной из важнейших презумпций философии постмодернизма и выражается в отказе от артикуляции субъекта, в тотальной деперсонификации действия, являющейся как следствием постмодернистского пантекстуализма и деструкции онтологии, так и манифестацией принципа ацентризма, реализующегося в рамках программы преодоления бинаризма. Проблема субъекта и генезиса субъективности широко поднималась представителями французского постструктурализма – Ж. Батаем, Ж. Делёзом, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, и, в особенности, М. Фуко, который отметил в послесловии к сборнику своих статей, опубликованном в 1982 году, что цель его работы на протяжении последних двадцати лет заключалась «не в том, чтобы анализировать феномены власти или чтобы создать основу для подобного анализа», а в том «чтобы создать историю различных модусов, посредством которых человеческие существа становились в нашей культуре субъектами» [1, с. 312]. Неутраченный интерес к наследию этих авторов в двадцать первом веке, значительный объем исследований, посвященных теме субъективности и смежным с ней темам в современном научном пространстве, говорит о том, что данная проблематика остается актуальной и по сей день, обретая новое измерение в условиях постоянного информационного роста и повышения роли виртуального информационного пространства в глобализирующемся обществе. Изучением философских и культурологических вопросов, непосредственно связанных с постмодернистской диссолюцией субъекта, занимаются такие белорусские философы, как М. Можейко, А. Грицанов, А. Филиппович, В. Абушенко, Л. Мельникова. Проблема ацентризма и «смерти субъекта» активно исследуется российскими учёными: Н. Маньковской, А. Колесниковым, С. Ставцевым, Ф. Гиренком, И. Скоропановой, Н. Малишевской, Л. Филипповым, Д. Кремнёвым, А. Панариным, А. Брузгалиным и др. Несмотря на то, что ранний философский постмодернизм, категорично заявивший о «смерти субъекта», уже во многом принадлежит истории, а современная версия постмодернизма отказывается от радикализма в отношении элиминации субъекта (основываясь на актуальности коммуникативной реальности, в которой использование понятия «субъект» практически и теоретически обосновано, хоть и наделено новым смыслом), можно с уверенностью сказать, что проблема генезиса и трансформации субъективности, артикулированной в структурализме и постструктурализме, является одним из наиболее значимых звеньев, из которых состоит сегодняшняя культура. В настоящей статье проблема «смерти субъекта» будет рассмотрена как с точки зрения ее проблематизации в философском постмодернизме, так и в качестве манифестации презумпции «смерти субъекта» в постмодернистском художественном дискурсе. В исследовании использованы дискурсивный, сравнительный и системный методы.

Основная часть. Истоки установки на «смерть субъекта» находятся в структурализме, ознаменовавшем сдвиг философского интереса с атомарного на структурное, то есть артикулировавшим связи между элементами в качестве приоритетного предмета исследования по отношению к самим элементам структуры. В культурном и философском постмодернизме «смерть субъекта» становится одной из важнейших установок, отражающих идеологический и гносеологический сдвиг

артикуляции с центральной фигуры (автора, субъекта, Бога) на диффузное самопроизводство текста, отказ от пафоса личного начала в пользу свободной, машинной, «шизоидальной» игры значений. Разнообразие взглядов по вопросу «смерти субъекта» демонстрирует проблематичный характер генезиса субъективности в современной культуре и отражает взаимодействие таких культурных сил, как сила сохранения традиции и сила авангарда, разрушающая традицию с целью экспликации новых смыслов. Московский философ Ф. Гиренок, называя себя философом архео-авангарда и пытаясь найти компромисс между этими силами, отмечает, что именно философия постмодернизма оказалась выходом из тупика философской традиции, замкнувшейся в следующих трёх измерениях: «проективная» философия (то есть, идущая от субъекта, как у Фихте), «опытная» философия (идущая от объекта, как у Шопенгауэра и Мамардашвили) и «половинчатая» философия (как у Канта или Декарта) [2, с. 112]. Постмодернистская философия, выступившая как философия без реальности, без истины и без субъекта, претендовала на решение вопроса выбора между этими тремя измерениями и явилась, по сути, четвертым измерением философской мысли, заключающемся в отказе от выбора наличной альтернативы, альтернативы присутствия. Следует заметить, что игнорирование традиционных альтернатив является одной из характерных черт постмодернистского стиля философствования, проявляясь, в том числе, и в парадигмальной установке на «смерть субъекта». Метафизика отсутствия, интерес к пространству пробела, выбор, заключающийся в отказе от выбора, – такой принципиальный философский эскапизм постмодернизма расценивается его апологетами как открытие новых горизонтов философствования, а противниками, соответственно, как отсутствие внятного решения философских проблем. Так, например, по мнению Д. Кремнёва, постмодернистское рассмотрение текста с точки зрения его самопроизводства и вне его фундированности субъект–объектной оппозицией означает отказ от всяких познавательных критериев и, по сути, самоуничтожение философии как науки. Интерес представителей философского постмодернизма к неустоявшимся значениям, размывание субъект–объектной оппозиции и установка на ацентризм приводит к явлению, названному Дж. Уардом «кризисом идентификации». Это явление заключается в проблематичности самоидентификации носителя постмодернистской ментальности, выступающего не субъектом своих текстов, в том числе и рефлексивных, а лишь орудием игры текстовой семантики в поле плюральных смыслов. По мнению М. Фуко, субъект является функцией, производной от высказывания, набор переменных высказывания, и эта функция представляет собой место, меняющееся в зависимости от взаимоотношений семантических сил. Для М. Фуко «субъект – это анонимное единообразие, которое навязывает дискурс всем индивидам, участвующим в этом дискурсе». [1, с. 126]. Ж. Батай, отождествляя понятие «суверена» и «субъекта», отмечает, что «субъект – это бытие, каким оно является самому себе изнутри» [3, с. 343]. В построениях Ж. Батай объект – объективно данное бытие – представляется «как нечто подчинённое субъектам, как их собственность», то есть «превосходство есть принадлежность субъекта, для которого что-то другое является объектом» [3, с. 343]. Так, можно сказать, что «смерть человека», объявленная М. Фуко в знаменитом финальном пассаже работы «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», есть лишение субъекта его превосходства над объектом, что отражает тотальное идеологическое отрицание постмодернизмом всякой власти, не только в узкополитическом, но и в максимально широком социальном и экзистенциальном смысле. Однако элиминировав субъект, постмодернизм элиминирует и объект, лишая его границы, которая очерчивала его гештальт в соответствующей бинарной конструкции. Объединяя субъективное и объективное в самостоятельный, самостоятельный текст, постмодернистская философия решает вопрос о том, кто говорит переносом смысла субъективности с актора на механику акта, таким образом декларируя абсолютную детерминированность субъекта структурами, определяющими форму актуализации субъективности, которая, согласно философии постмодернизма, носит чисто функциональный характер.

Таким образом, можно сказать, что разрушая принцип бинаризма, как принцип, заключающийся в себе насилии, постмодернистская философия отдаёт приоритет дискурсивно-вербальному пространству, как пространству охватываемому, превосходящему Я и владеющему им как объектом. Известно, что постмодернизм, заявляя о своих специфических способах взаимодействия с реальностью (которая является, прежде всего, языковой), претендует на расширение творческого потенциала, заложенного в высвобождении желания, стесненного структурами, которые были навязаны ему ограничительным личным Я. Несмотря на то, что творчество в художественном постмодернизме во многом носит коллажно-компилятивный характер, все же не стоит рассматривать компилятивность постмодернистского способа построения реальности как отсутствие его способности к созданию нового, поскольку нарочитая цитатность и коллажность постмодернистских тек-

стов является лишь одним из довольно широкого набора приемов, раскрывающих глубокие смыслы возможного. Являясь не столько методом, сколько меткой, цитатность постмодернистских текстов демонстрирует исчерпанность старых форм. Так, например, «Идеальный роман» М.Фрая, полностью состоящий из отрывков чужих произведений, является не столько актом самораскрытия, сколько самосокрытием автора. «Смерть субъекта» и «смерть автора» здесь становятся не приемом, не средством видения нового, а целью. «Мы не претендуем на открытие некоего магического клея, способного примирить и связать воедино два разных типа сознания: писателя и читателя, творца и потребителя, вещающего и внимающего. Мы только попытались шепотом задать вопрос, слегка касающийся этой темы» [4, с. 8]. Идея приоритетности самости-без-Я проявляется в литературно-художественном постмодернизме с помощью таких средств, как коллаж, широкое использование цитат и техника автоматического письма (активно использовавшееся также в сюрреализме).

«Смерть субъекта» в постмодернистском дискурсе завязана на ряде фундаментальных программ философского постмодернизма, среди которых важное место занимает метафизика отсутствия. Вообще, поскольку деструкция онтологии в постмодернизме приводит к тому, что «реальность» становится лишь одним из ряда семантических конструкторов, не имеющих референта, постмодернистская интенция разрушить диктат такой «нереальной реальности», в рамках постмодернистского видения, является вполне оправданной. Можно сказать, что в данном контексте, разрушая мир как онтологическую величину, постмодернизм на его место ставит совсем не текст (таким образом метафизика не была бы до конца разрушена, как, например, и у Хайдеггера, реализующего деструкцию метафизики ещё в категориях присутствия), но именно отсутствие – то есть объявляя место мира (объекта) и место Я (субъекта) не-местом. А. Драгомощенко, определяя Я как «пункт расхождения всех линий личностной перспективы» в своём произведении «Фосфор» пишет: «Орнамент состоит из дыр или из перехода одной пустоты к другой. Где находится различие между одной пустотой и другой?» [5, с. 223]. Еще Ф. Ницше, опровергая картезианское «*cogito ergo sum*», полагал Я как всего лишь «грамматическую привычку», «...ибо когда думают, что необходимо быть нечто, что мыслит, то это просто формулировка нашей «грамматической привычки, которая к действию полагает деятеля» [5, с. 12]. Известный теоретик культуры и искусства М. Ямпольский отмечает, что эта привычка всегда дистанцирует субъект от предиката: «Сказать Я в силу этой привычки, уже означает отделить Я от предиката» [5, с. 12]. Деструкция Я в постмодернизме предстаёт как восстановление утраченной близости между самостью и ее самореализацией, как сокращение дистанции между актором и актом. Однако, рассматривая самого актора как пустоту, как не-место, философский постмодернизм не всегда бросает его как чистую негацию (что могло бы напоминать понятие «трансцендентального субъекта» как чисто логическую, хоть и вовсе не надэмпирическую конструкцию [6, с. 41]), но заново отождествляет его с текстом, обладающим, по Кристевой, «безличной продуктивностью» и разворачивающимся в то время, как Я отсутствует. По Р. Барту, противопоставившего автора, предшествующего тексту, и скриптора, рождающегося вместе с текстом (т.е. того, кто не претендует на обладание изначальным смыслом), скриптор «отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время – время речевого акта и всякий текст пишется здесь и сейчас» [7, с. 387]. Скриптор лишен личностных характеристик и причиняющего статуса по отношению к тексту, а письмо, согласно мнению Р. Барта, является единственным местом, где может находиться субъект письма. Таким образом, «смерть субъекта» оказывается в большей степени «смертью» не субъекта (поскольку, текст хоть и безличен, но продуктивен, то есть действует), но «смертью» Я (отделение Я от самости, лишение самости личного местоимения), причем смерть насильственная – здесь уже постмодернистская философия говорит не о том, что Я не существует, но о том, что Я не есть субъект, но лишь препятствие для субъекта. Можно предположить, что лишённая Я самость является в постмодернизме либо пассивной формой организации текста – определённым способом устройства значений, либо голосом Другого. Важно отметить, что минимализация Я в философии постмодернизма не носит радикального характера. Радикализм «смерти субъекта» локален и выступает скорее в качестве силового метода уравнивания чрезмерной пафосности новоевропейской субъективности; «смерть субъекта» в постмодернизме – это отказ от идеологии субъекта, отказ от агрессии личного в пользу освобождения безличного, в пользу даосского принципа у-вэй (недеяния). Можно сказать, что хоть возможность Я и является, по мнению Батая, «безумно недостоверной», однако она все же предполагается представителями философского и литературного постмодернизма как препятствие на пути к смыслу, на пути к тому, что Ф. Гиренок назвал «мышлением немислимого». По Ф. Гиренку, классическая философия занималась тем, что

мыслила мыслимое, тем самым, ограничивая себя. Поскольку истинное призвание философии есть мыслить на пределе, мыслить немислимое, для чего и требуется разрушить Я, выступающее ограничителем мышления и цензором всего, что может оказаться слишком смелым, а значит и истинным. Несмотря на то, что постмодернизм отказывает истине в её традиционном статусе, «истина» самого философского постмодернизма имплицитно содержится в интенциях и способах прочтения классических текстов, а также в той модификации классического понятийно-категориального аппарата, которая выполняет не столько гносеологическую, сколько идеологическую функцию. Однако растворение Я в вербально-дискурсивном пространстве как требование освобождения от диктата социально-культурных стереотипов в современной версии постмодернистской философии уже лишается своей идеологической необходимости. Возрастающая роль коммуникации возвращает субъекту его утраченный статус, что отражается в программе «воскрешения субъекта». Самобытие текста в виде сталкивающихся фрагментарных семантических образований, исключение авторства лишает коммуникацию смысла взаимности – в этой форме коммуникация представляет скорее полилог текстов, не имеющих никакого отношения к интерпретаторам, то есть участники коммуникации являются лишь средством самобытия текста. Однако коммуникация предполагает не только текстуальный, но и личностный обмен. А личностное измерение, являясь одним из фундаментальных экзистенциальных модусов, даже если и называть его «грамматической привычкой», есть данность – рассматривать ли мир грамматически или онтологически – она остаётся данностью и для сторонников и для противников философского постмодернизма. Местоимение первого лица, несмотря на производимый им эффект дистанцирования субъекта от предиката, остаётся одной из наиболее адекватных форм выражения самости и самоактуализации текста – текстов о «Я» или «Мы». Таким образом, «смерть субъекта», сыграв значительную роль в разрушении традиции бинаризма и развенчании пафосного превосходства субъекта над объектом, Я над Другим, европейского над неевропейским, мужского над женским, оказалась, на наш взгляд, частной формой субъективности, отразившей процесс либерализации в Западной культуре во второй половине двадцатого века, и подготовившей новый поворот в мировоззрении и способах самоидентификации человека современности. Сам метафорический термин «смерть субъекта», на наш взгляд, не совсем точно соответствует своей сути как культурно-философского феномена, поскольку «бессубъектность» постмодернистского дискурса, скорее, носит концептуальный характер, характер метки, и является не столько демистификацией субъекта как агента действия и носителя смысла, сколько демистификацией личного, социально и культурно детерминированного Я.

Заключение. Итак, первым способом выйти из рамок, навязанных стереотипами, с помощью которых человек индустриального общества привык конституировать собственную субъективность, философский постмодернизм выдвинул «смерть субъекта», как превращение Я в не-место, пустоту, через которую реализуется бесконечный тупик дискурса. Второй способ – разрушение его целостности, дробление Я на множество ролевых фрагментов Я, обусловленных различными голосами, вступающими во внутренний полилог. Таким образом, целостность, реальность и сущностный характер Я были поставлены под вопрос. Говоря о литературно-художественном проявлении этих феноменов, И. Скоропанова отмечает, что постмодернизм «дал литературе новое измерение, раздвинул её горизонты и, в то же время, поставил писателей перед лицом суперсложных задач: обретения многомерного, нелинейного художественного мышления в масштабах целых культурно-исторических эпох, овладения всеми типами письма, совмещения в одном авторе художника и философа (историка, литературоведа, культуролога и т. д.)...» [8, с. 529]. В постмодернистском художественном дискурсе «смерть субъекта» выражается также в подмене авторского сознания игровым сознанием автора-персонажа, манифестирующегося через стилистические особенности эпох. Таким образом, мы наблюдаем не столько «смерть автора», сколько его удвоение, сокрытие одного автора за псевдоавторской маской другого – его концептуального персонажа. Так, русский поэт Д. Пригов «реконструирует сознание, которое стоит за окружающими нас коллективно-безличными, исключаяющими авторство текстами, и делает это сознание поэтически продуктивным, разворачивая на его основе собственный космос и оригинальную мифологию» [8, с. 213], при этом он дарит созданному им поэту-персонажу своё имя и биографию.

«Смерть субъекта» как развенчание традиции *cogito* и деперсонификация действия, с одной стороны, позволяет расшатать стабильность традиционных стереотипов самоидентификации, а, с другой, как противовес европейскому активистскому сознанию индустриальной эпохи, заставляет остановиться перед трудностью выбора одного Я из множества плюральных Я-персонажей или осознанием своего Я как препятствия смыслу, агенту дисторсии (что ассоциируется с базовой

установкой философии буддизма). Страх уничтожения Я, страх перед поглощающим смыслом хаосом внятно отражен в текстах постмодернистских писателей В. Ерофеева и В. Сорокина, изобилующих яркими образами жуткого. Освобождение безличной субъективности посредством деструкции личного Я выступает в двух экзистенциальных формах: в форме-состоянии просветления и покоя, сопровождающих акт избавления от конечности, ограниченности своего тела и личных возможностей, и – в ужасе смерти, полной и окончательной растраты смысла. В этом контексте полюс эмоционального выбора зависит от локализации субъектом своего сознания как предельной субъективности, чистой интенциональности, а также идентификации субъекта с определённым образом Я – в случае идентификации субъекта с тем Я, которое должно быть с необходимостью подвержено тотальной и окончательной деструкции. Естественно, «смерть субъекта» не может быть ассоциирована с освобождением творческой энергии, т.е. бытийствованием, расцветом. Плюральность Я, как множества периферических концептуальных персонажей, даёт возможность постмодернистскому сознанию рискнуть своим Я в надежде на сохранность самой жизни, на сохранность фиксирующего ее наличие предельного субъекта, пустого местоимения первого лица, что, согласно Ж. Батаю, является проявлением рабского желания захвата власти, противопоставленного им суверенности как чистой субъективности. Таким образом, несмотря на то, что плюрализм Я (включая и то Я, которое феноменально инициирует освобождение от самого себя) подтверждает идею отсутствия личного Я как суверенности (то есть абсолютного субъекта), сама постмодернистская попытка отождествления с истинным агентом действия – текстом, являясь (в соответствии с гегелевско-батаевским определением «рабского сознания» как движимого влечением к власти) несuverенной, несвободной, детерминированной, может лишь с небольшой долей уверенности претендовать на ту цель, которую она ставит.

Очевидно, что постмодернистская деструкция субъективности – есть деструкция одного «субъекта» (в первую очередь, идеологического субъекта индустриального общества) из множества, деструкция, не сопряженная с риском и носящая частный характер. А та субъективность, которую Ж. Батай отождествил с суверенностью, выставляющей на кон свою жизнь и готовой на полную растрату смысла, так и осталась на стыке таких концептов, как «Я», «самость» и «текст», и чьё содержание зависит от особенности использования того или иного концепта для маркирования агента рассматриваемого действия. Так, представители постмодернизма останавливают свой выбор на самости без Я и самоактуализации вербально-дискурсивного пространства. Несмотря на то, что постмодернизм рассматривается многими исследователями как состоявшееся явление, он, несомненно, «не только «отшумевший дождь», но и мост в будущее» [8, с. 531]. Модификация постмодернистской философской парадигмы, расширение тактик конституирования субъективности, программа «воскрешения субъекта», разрабатываемая в рамках коммуникативной версии постмодернизма позволяет постмодернистским идеям оставаться актуальными и сегодня. В современном информационном обществе старые стратегии конституирования субъективности зачастую оказываются неэффективными. Поэтому видится актуальной и разумной активная работа по созданию новых форм межсубъектного взаимодействия, основанная, с одной стороны, на постмодернистской критике традиционного жестко централизованного Я, а с другой стороны, на конструктивной критике самого философского постмодернизма – чтобы сохранить то атомарное, которое не позволит структуре смысла как разрушиться, так и застыть в инертности стереотипа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов, А.А. Мишель Фуко / А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко. – Минск : Книжный Дом, 2008. – 320 с.
2. Гиренок, Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. – М.: Академический проект, 2008. – 235 с.
3. Батай, Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология : пер. с фр. / Сост. С. Н. Зенкин / Ж. Батай. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.: ил.
4. Фрай, М. Идеальный роман / М. Фрай. – СПб.: Азбука, 1999. – 272 с.
5. Ямпольский, М. О близком (Очерки немиметического зрения) / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 240 с.
6. Шуман, А. Н. Трансцендентальная философия / А. Н. Шуман. – Минск : Экономпресс, 2000. – 416 с.
7. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Р. Барт. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
8. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие. – 2-ое изд., испр. / И.С. Скоропанова. – М.: Флинта: Наука, 2000. – 608 с.

«DEATH OF THE SUBJECT»: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF THE PROBLEM OF THE SUBJECT IN THE POSTMODERN DISCOURSE

A.A. SERBUL

Summary

The article considers the subject problem in postmodern discourse. The author analyzes postmodern philosophy presumptions of «death of the subject», the destruction of ontology and binarism, which have reflected and caused specificity of subjectivity in informational society; studies a number of actual philosophical problems connected with postmodern «I» model, what was called to reflect eclectic, overloaded by contradictory senses, polyphonic culture of the postindustrial epoch; carries out critical analysis of some researchers' views on subjectivity transformation in postmodern philosophy and culture.

© Сербул А.А.

Поступила в редакцию 10.07.2011